

Чарльз Оман

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

ХРОНИКИ

ВОЕННЫХ

СРАЖЕНИЙ

Чарлз Оман

Военное искусство в Средние века

«Центрполиграф»

2011

Оман Ч.

Военное искусство в Средние века / Ч. Оман —
«Центрполиграф», 2011

В своем исследовании Чарлз Оман рассматривает развитие военного искусства в Средние века – начиная с периода падения Римской империи и до начала XVI века. Анализируя эволюцию методов ведения войны, автор рассматривает условия, в которых зарождались основы военного искусства, политическую обстановку, предшествующую военным действиям, дает характеристики организации армий разных стран Европы, отмечает особенности их вооружения. Собственные наблюдения и выводы автор подкрепляет выдержками из трудов знаменитых полководцев. В книге помещен план, иллюстрирующий основные особенности византийской тактической системы, приведены схемы, позволяющие представить расстановку сил противников в знаменитых сражениях: при Грансоне, Муртене, Азенкуре, Баннокберне, Креси и Пуатье.

© Оман Ч., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	7
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	10
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Чарлз Оман

Военное искусство в Средние века

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Карл Лотус Беккер, пожалуй, больше любого другого американца превратил изучение истории в силу, отстаивающую нашу цивилизацию от физических и интеллектуальных нападок тоталитарных агрессоров. Если истории приходится отстаивать эту позицию на политическом и моральном поприще сего дня, то это в значительной мере осуществляется посредством подготовки и выпуска небольших книг, освещающих крупные проблемы, которые так любил и в таком совершенстве владел г-н Беккер. В эти насыщенные делами дни у весьма немногих американцев, будь то военнослужащие, ученые, политики, студенты или просто граждане, находится свободное время для того, чтобы черпать сведения о прошлом из монументальных трудов или обстоятельных монографий. Корнеллский университет (находится в г. Итака, штат Нью-Йорк, США. – *Ред.*) публикует данную работу, стремясь поощрять и способствовать изданию кратких, написанных хорошим языком очерков, которые предлагали бы вниманию широких масс читателей результаты научных исследований в области истории.

Работа «Военное искусство в Средние века» написана покойным Ч.У. Оманом, когда он еще был студентом Оксфордского университета, получила научную премию и опубликована в 1885 году. За свою долгую и плодотворную научную жизнь автор посвятил много усилий развитию данной темы и в дальнейшем опубликовал под тем же заголовком две более крупные работы. Несмотря на это, первоначальное издание нашло настолько широкого читателя, что несколько лет было абсолютно невозможно достать даже подержанный экземпляр. Данное новое издание предпринято исходя из твердой уверенности, что очерк представляет собой один из наилучших дополнительных источников для студента, начинающего изучать историю Средневековья, и при случае найдет читателя и за пределами университетской библиотеки. Д-р Джон Х. Билер согласился взять на себя задачу включить многие фактические данные, которые были установлены в результате более поздних научных исследований, ибо, являясь специалистом в области средневековых войн, он признал истинно высокое качество очерка и как один из участников большого вводного курса истории выразил желание помочь начинающим выйти за рамки обязательного курса.

Эдвард У. Фокс

ВВЕДЕНИЕ

Довольно странно, что современные историки обходят вниманием военные аспекты истории Средневековья. Ссылки на военное искусство можно лишь изредка откопать где-нибудь в невидных местах общих рассуждений. Но, несмотря на то что войны, пожалуй, в большей мере, чем религия, и лишь меньше, чем сельское хозяйство, доминировали в повседневной жизни Западной Европы в столетия между гибелью Римской (Западной. – *Ред.*) империи и появлением современных государств, данный предмет в значительной мере отдавался авторам романов и любителям старины. Средневековый рыцарь дошел до нас как славный боец, но неумелый воин, а хроники его кампаний представлялись как занятные, но не имеющие значения вымыслы. Для времен, подобных нашим, когда остро встает проблема приспособления общественных отношений и политических теорий к новому революционному развитию военного искусства, история войн в Средние века может представлять полезную область исследований. Следующий ниже материал – переработанный труд Ч.У. Омана 1884 года – был первой попыткой исследовать обширную область истории, посвященную военным действиям, и остается одной из лучших работ, доступных широкому кругу читателей. Переработка потребовалась лишь в немногих местах, где более поздние научные исследования, зачастую принадлежавшие самому автору, значительно изменили наше понимание отдельных событий. Кое-где опускалось то или иное предложение, но там, где изменялась авторская формулировка, данное место отмечалось скобками. Других пояснений не делалось, за исключением немногих полностью переписанных и расширенных частей, и в этих случаях в сносках давались ссылки на источники. В остальном текст перепечатан в первоначальном виде.

К сожалению, на английском языке нет хорошей библиографии средневековой военной истории, но надеемся, что заинтересовавшиеся данной работой найдут в последующих абзацах достаточно интересующих их более подробных библиографических данных. Лучшие из имеющихся библиографий – это тома «Кембриджской средневековой истории», приложения к работам А.Х. Томпсона «Военное искусство до 1400 года» (т. VI, гл. XXIII) и сэра Чарлза Омана «Военное искусство в XV веке» (т. VIII, гл. XXI). Для владеющих немецким языком очень полезная библиография содержится в работе Вильгельма Эрбена *Kriegsgeschichte des Mittelalters* (выпуск 16 *Historischen Zeitschrift*, 1929 г.). Конкретные библиографические данные будут упомянуты в связи с каждой отдельной темой.

Монополия на общую тему войн в Средние века долгое время оставалась за профессором, позднее сэром, Чарлзом Оманом. Его получивший в 1884 году высокую научную премию труд, опубликованный на следующий год под заголовком «Военное искусство в Средние века» (Оксфорд, 1885) и переиздающийся в данной книге, впоследствии вышел в двух значительно расширенных вариантах. Первый, «История военного искусства в Средние века» (Лондон, 1898), доводил историю средневековых войн лишь до конца XIV века, а второй, тоже «История военного искусства в Средние века» (Лондон, 1924), двухтомное издание, продолжил изложение до конца XV века. Они являются единственными имеющимися на английском языке всеобъемлющими работами по данному вопросу и обладают достойным восхищения свойством превосходной читабельности. Линн Монтросс, чья «Война на протяжении веков» (Нью-Йорк, 1944) содержит краткую библиографию общего характера, – единственный современный автор, включивший раздел о Средних веках в общий труд по военной истории. Г-н Монтросс много черпает у профессора Омана, и, хотя он не внес ничего нового в понимание данного периода, манера его письма чрезвычайно занимательна. Кроме того, следует отметить двух европейских ученых. Ганс Дельбрюк третий том своей основательной «Истории военного искусства в контексте политической истории» (Берлин, 1907) целиком посвящает военным действиям в Средние века. Профессора Дельбрюка, главным образом, помнят как

одного из ученых начала XX века, которые много сделали для того, чтобы устранить неточности средневековых данных. Позднее Фердинанд Лот опубликовал двухтомный труд «Военное искусство и оружие Средних веков» (Париж, 1949), имеющий весьма важное значение для изучающих континентальную военную историю. Правда, что касается английской военной истории, он опирался на труд Омана 1898 года, вследствие чего в этом отношении представляет невеликую ценность.

Среди проблем, мучающих медиевистов, нет труднее вопроса о численности. Каких размеров были доходы средневековых королей? Какова была численность их армий? Средневековые хроники полны ответов, которые в общем признавались более или менее точными примерно до начала XX века. Неискушенному читателю лучше разобраться в проблеме помогут брошюра д-ра Дельбрюка «Числа в истории» (Лондон, 1913) и с более строгой военной точки зрения работа Дж.Х. Рамсея «Численность английских армий в Средние века» (1914).

Среди обычно доступных книг, естественно, преобладают посвященные войнам англичан. «Войны в Англии» Хилэра Беллока – краткое доходчивое изложение военных событий в Англии со времен Цезаря до последнего восстания якобитов в 1745 году. С научной точки зрения самое лучшее описание отдельного периода средневековых войн в Англии содержится в книге Э. Морриса «Уэльские войны короля Эдуарда Первого» (Оксфорд, 1901). По глубине исторического анализа и тщательному подбору источников это своего рода образец. Ведь источники, необходимые для реконструкции большинства средневековых битв, в лучшем случае весьма скудны. Проблема истолкования этих фрагментарных свидетельств происшедшего часто была причиной жарких споров среди историков. Одним из великих ниспровергателей теорий, выдвигаемых другими, был покойный Дж.Х. Раунд, и изучающим военную историю остается только познакомиться с его классической работой «Г-н Фримэн и битва при Гастингсе» в сборнике «Феодальная Англия» (Лондон, 1895). Менее полемичны две работы о вызывающих споры этапах битвы у Баннокберна – «Битва при Баннокберне» (Глазго, 1913) У.М. Маккензи и «Баннокберн» Джона Э. Морриса (Кембридж, 1914). Их следует читать во взаимосвязи друг с другом, поскольку, представляя собой лучшие образцы современных исторических исследований, они демонстрируют отличия, свойственные не только независимым друг от друга работам, но, кроме того, национальные предубеждения двух личностей – г-на Маккензи, шотландца, и г-на Морриса, англичанина.

Глубокое воздействие на военную обстановку в Средние века оказывало развитие замковой архитектуры. Краткое описание средневекового замка наряду с обширной библиографией можно найти в статье А. Гамильтона Томпсона «Военная архитектура», содержащейся в «Кембриджской средневековой энциклопедии» (т. VI, гл. XXII). Отличное описание содержится в книге Сиднея Толя «Замки: краткая история фортификационных сооружений с 1600 г. до н. э. по 1600 г. н. э.» (Лондон, 1939). Это единственная всеобщая история военной архитектуры на английском языке. Что касается более ограниченной территории – Англии, здесь имеется ряд хороших книг. Есть устаревший, но все еще классический труд Джорджа Т. Кларка «Средневековая военная архитектура Англии» (Лондон, 1884, два тома). Г-н Кларк – инженер, не историк, и некоторые из его предположений довольно далеки от истины; но он заложил основу для всех последующих исследований. В статье Раунда «Замки завоевателей» (Археология. № LVII. 1902) вскрываются недостатки работы Кларка, за ней последовала работа Эллы Армитаж «Ранние норманнские замки на Британских островах» (Лондон, 1912), до сих пор имеющая вес в вопросе о происхождении замков в Англии. «Военная архитектура в Англии в Средние века» А. Гамильтона Томпсона посвящена развитию архитектуры английских фортификаций до конца Средневековья и содержит основательную библиографию. Двумя доходчивыми описаниями являются «Замки» (Лондон, 1926) сэра Чарлза Омана и «Английский замок» (2-е доп. изд., Лондон, 1932) Хью Брауна. Г-н Браун – археолог, чьи статьи регулярно появляются в основных английских археологических журналах. Можно считать, что его взгляды представ-

ляют собой лучшую современную мысль в вопросе о замках. К другим книгам о замках относятся «Воздушные замки» Уильяма Дугласа Симпсона (Лондон; Нью-Йорк, 1949), «Средневековый замок в Шотландии» Уильяма Маккея Маккензи (Лондон, 1927) и «Ирландские замки и дома, построенные как замки» Г. Лиска (Дандолк, Ирландия, 1941).

Определенное отношение к средневековой военной тактике имели доспехи и оружие воинов. «Доспехи и оружие» (Оксфорд, 1909) Чарлза Фоукса (так в тексте. – *Пер.*) – сжатое, хорошо иллюстрированное описание с краткой, но полезной библиографией. Пообъемистее, а потому и поподробнее книга Чарлза Эшдауна «Британские и иностранные оружие и доспехи» (Лондон, 1909), которая к тому же отлично иллюстрирована. Работа того же автора «Доспехи и вооружение в Средние века» (Лондон, 1925) содержит краткую библиографию и очень полезный глоссарий наименований предметов вооружения.

Источники изучения средневековых войн скрываются в летописях, грамотах и официальных письменных документах того периода. У случайного любителя мало возможностей обратиться к ним, а читатель, у которого при чтении данного очерка проявится интерес, надеемся, найдет достаточно информации для его удовлетворения.

Джон Х. Билер

Гринсборо, Северная Каролина

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Военное искусство очень просто определяется как «искусство, дающее возможность любому командиру нанести поражение противостоящим ему силам». Поэтому оно предполагает знание огромного разнообразия дисциплин: стратегия и тактика – лишь две наиболее важные его ветви. Кроме поддержания дисциплины, боевых порядков, вооружения, оно обязательно связано с необходимостью постигать все средства повышения физической и моральной боеготовности армии. Автор, начинающий свой труд рассуждениями о «возрасте, предпочтительном для генералиссимуса», или о том, «какого роста следует быть пехотинцу»¹, касался военного искусства в не меньшей степени, чем тот, кто ограничивался чисто тактическими спекуляциями.

Учитывая сложный характер данного предмета, очевидно, что при описании «военного искусства» в тот или иной период времени необходимо дать полный обзор общественного и политического развития в этот период. Это есть искусство, в рудиментарной форме, даже во времена, когда две толпы разъяренных людей схватывались между собой, разрешая свои споры силой. Правда, в некоторые периоды военные и общественные моменты были теснее связаны между собой, нежели в другие. Бывали времена, когда вся организация нации и страны исходила из предположения, что нормальным состоянием служит состояние войны. (Такие времена в истории преобладали. Слегка расслабиться (и то иногда) могли позволить себе только страны, защищенные естественными препятствиями (как Англия, за водными рубежами, прикрытыми флотом; но в конце XVII в. и конце 70-х – начале 80-х гг. XVIII в. все могло кончиться для Англии плохо), либо как США, которые не имели сухопутной границы с сильным и хищным (как Германия, Франция) соседом. – *Ред.*) В этих случаях история народа и его «военное искусство» представляли одно целое. Входить в подробности организации Спарты или древней Германии – почти то же самое, что изучать военную организацию. И наоборот, говоря об особенностях военного дела таких стран, приходится упоминать многие политические учреждения (образцом организации отпора агрессорам на нескольких направлениях, суммарно по населению и экономике в несколько раз превосходившим защищавшуюся сторону, служит Русское государство, например, со времен Ивана III (правил 1462 – 1505 гг.) до эпохи Николая I (правил 1825-1855 гг.). – *Ред.*).

Такое положение полнее, чем к любому другому времени, относится к векам, которые образуют сердцевину рассматриваемого нами периода. Происхождение и развитие феодализма имело военные и общественные аспекты, и его упадок неизбежно связан и с военными факторами. Существует точка зрения, согласно которой его историю можно описывать как «подъем, господство и упадок тяжелой кавалерии как главного фактора военной мощи». В определенной мере мысль эта будет прослеживаться в нашем исследовании, связывая воедино историю военного искусства в Средние века. Главы научной истории войны, которую мы собираемся подвергнуть рассмотрению, умещаются между битвой при Адрианополе (378) и сражением при Мариньяно (1515) – первым и последним (одним из последних. – *Ред.*) примерами торжества средневековой кавалерии.

¹ Флавий Вегеций Ренат. Военные порядки римлян. Цит. по: Гarrisберг, 1944. С. 15; Псевдо-Маврикий. Стратегикон.

Глава 1

ПЕРЕХОД ОТ РИМСКОГО К СРЕДНЕВЕКОВОМУ ТИПУ ВОЙН 378 – 582 гг.

От Адрианопольского сражения до восшествия на престол Маврикия

Между серединой IV и концом VI века в военной истории наблюдается переходный период, время таких же необычных коренных перемен, какие наблюдались и в экономике, и в политике [и повернули европейскую цивилизацию в новое русло современной истории]². В войне, как и во всем, наблюдается уход в прошлое порядков Древнего мира и возникновение нового порядка вещей.

Из множества эффектных признаков того богатого традициями периода, пожалуй, самым характерным был постепенный выход из употребления славного имени «легион» – названия, тесно связанного с многовековым величием Рима. Название, правда, просуществовало большую часть V века, но ко времени правления императора Юстиниана (527 – 565) оно устарело. А с названием исчез и характерный тип боевых порядков. Это воплощение поразительного сочетания мощи и гибкости, такое прочное и в то же время такое подвижное и так легко управляемое, перестало отвечать запросам времени. Меч и пилум уступили место копьё и луку. Типичный римский воин больше не представлял собой негибкого легионера, который со щитом, плотно подогнанным к левому плечу, и низко опущенной рукояткой короткого меча (действуя в основном колющими ударами) прокладывал себе путь сквозь плотную изгородь пик врагов и твердо противостоял самым яростным атакам кельтов или германцев³. О легионах, сформированных во времена Августа и Траяна (и гораздо раньше. – *Ред.*), триста лет сохранявших свою самобытность, свое почетное звание и кастовый дух, больше не было слышно⁴.

Когда Константин сокращал до четверти численность войсковых формирований и создавал многие десятки новых военных единиц⁵, он руководствовался соображениями не военной, а политической целесообразности. Вооружение и общий характер войск сохранились, и пехота, *robur peditum*, все еще оставалась самой важной и многочисленной частью войск. Правда, на протяжении IV века одновременно чувствовалась тенденция усиления и кавалерии, и пропорционально этот род войск продолжал устойчиво возрастать. Это возрастающее значение по-своему подтверждал и сам Константин, лишая легионы дополнительных *turmae* (в каждой турме было 32 всадника. По Вегецию, легион состоял из 10 когорт, каждая когорта имела 550 пехотинцев и 66 всадников (2 турмы и командиры), кроме 1-й когорты, в которой было 1150 пехотинцев и 132 всадника. – *Ред.*) и объединяя конников в более крупные военные единицы. Похоже, империя, наконец-то отказавшись от наступательных войн и решив ограничиться защитой собственных провинций, обнаружила, что все больше нуждается в войсках, которые могут быть быстро переброшены из одного угрожаемого участка границы в другой. Нападавшие на границы германцы (далеко не только германцы. – *Ред.*) были в состоянии с

² Во всех случаях изменения формулировок оригинального очерка помечаются квадратными скобками. Сносками привлекается внимание к крупным переработкам и исправлениям, но не сочтено необходимым в случае незначительных изменений.

³ *P. Cornelius Tacitus. Annals. Bk. II, 21 // The Complete Works of Tacitus / Ред. Моузес Хадас. Нью-Йорк, 1942. P. 64.*

⁴ Старые легионы I в. в конце III в. еще полны энергии. В монетах захватчика и узурпатора Караузия отмечаются служившие под его началом несколько легионов, которые еще при правлении Клавдия дислоцировались в Британии и Галлии.

⁵ У него было 132 легиона и *numeri*, а также 100 отдельных когорт.

легкостью уйти от легиона, обремененного боевыми машинами и обозами. Поэтому для перехвата их внезапных налетов потребовалось большее количество кавалерии.

Но похоже, что для увеличения конных войск была и другая, еще более веская причина. Господствующее положение римской пехоты больше не было таким ошутимым, как в более ранние века, и поэтому ей требовалась более мощная, чем прежде, поддержка кавалерии. Во времена Константина франки, бургунды и алеманы уже не были плохо вооруженными варварами I века, «без шлема и кольчуги, с хлипкими плетеными из прутьев щитами и вооруженные одними копьями», пытавшимися противостоять боевым порядкам когорты. Теперь у них были окованный железом щит, копье и короткий острый колющий меч, а также длинный рубящий меч и смертоносный боевой топор франков (франциска), который, бросали ли его или рубили им, проникал сквозь римские доспехи и разрубал римские щиты. Как оружие рукопашного боя, такие топоры настолько превосходили старые фразы (копья с короткими и узкими наконечниками), что имперской пехоте было нелегко одолеть германцев. К тому же боевой дух римской армии уже не был таким, как прежде: войсковые подразделения больше не были однородными, нехватка новобранцев восполнялась набором в сами легионы рабов и варваров, и не только во вспомогательные когорты. Хотя войска империи в IV веке и не лишены были храбрости, они все же утратили присущую старой римской пехоте сплоченность и уверенность в собственной силе и требовали более внимательного командования.

Эта тенденция римской пехоты к упадку и вытекающее отсюда пренебрежение этим родом войск со стороны высшего руководства того времени завершились катастрофой. Адрианопольское сражение (378 г. н. э.) явилось самым ужасным поражением римской армии после Канн (216 г. до н. э.), бойни, с которой уместно сравнивает его римский военный историк Аммиан Марцеллин. На поле боя остались император Валент, все его высшие военачальники⁶ и 40 тысяч офицеров и солдат; армия была уничтожена почти полностью.

Смысл Адрианополя был несомненным; это была победа конницы над пехотой. Имперская армия атаковала огражденный лагерь, и обе стороны вели жаркий бой, когда на римский левый фланг неожиданно обрушилась масса конницы. Это были находившиеся неподалеку главные силы готской кавалерии; получив известие о битве, они направились прямо на поле боя. Прикрывавшие фланг боевых порядков Валента два эскадрона бросились навстречу надвигавшейся лавине, но были смяты и затоптаны. Потом готы устремились к левому флангу пехоты, сокрушили его, оттеснив к центру. Удар был настолько мощным, что легионы и когорты беспорядочно перемешались между собой. Все усилия выстоять оказались тщетными, и спустя несколько минут левый фланг, центр и резерв превратились в одну сплошную массу. Императорские гвардейцы, легковооруженные воины, копьеносцы, федераты и пехота переднего края – все были стиснуты воедино, и давка возрастала с каждой минутой. Римская конница, видя, что битва проиграна, ускакала, не оказав сопротивления. Тут покинутая пехота поняла весь ужас своего положения: в равной мере не в состоянии ни развернуться в боевые порядки, ни спастись бегством, ей оставалось быть зарубленной на месте. Зрелище, которое можно было наблюдать раньше в Каннах и один раз потом, при Розебеке (Розбеке) (1382 г., где французы разбили фламандцев). Воины оказались до того плотно стиснутыми, что не могли поднять рук и нанести удар; справа и слева с треском ломались копья, их владельцы не могли поднять их в нужное положение; многие воины были задавлены в толпе. Поражая копьями и мечами беспомощных противников, готы врзались в эту беспорядочно колышущуюся массу. Лишь после того, как пало две трети римской армии, редуемые ряды нескольких тысяч воинов получили возможность прорваться⁷ и панически бежать следом за правым крылом и конницей.

⁶ Великие магистры пехоты и кавалерии, смотритель императорской резиденции, 35 командующих различными корпусами. Фердинанд Лот (*Lot. L'Art militaire. I, 25*) находит эти цифры неслыханными.

⁷ *Ammianus Marcellinus. Roman History.* Лондон, 1894. P. 608 – 615.

Таким было сражение при Адрианополе, первая крупная победа, одержанная тяжелой кавалерией, продемонстрировавшей способность занять место тяжелой пехоты Рима как господствующей военной силы. Во время своего недолгого пребывания в степях южной Руси готы первыми из германских племен стали народом конников. Обитая на землях нынешней Украины, они испытывали влияние этой земли, извечной со скифских (еще раньше – киммерийских. – *Ред.*) времен и до появления там татар и казаков, колыбели конницы. (Готы, выходцы с о. Готланд, в начале нашей эры жили в области нижнего течения р. Висла. Во второй половине II в. начали продвижение на юго-восток и в начале III в. оказались в Северном Причерноморье, где смешивались с ираноязычными аланами, сарматами и др. Образовали мощные племенные союзы (так называемая держава Германариха). Разбитые в 375 г. гуннами, были вытеснены из Причерноморья. Часть готов попросила убежища в пределах империи, где подняла восстание, закончившееся битвой при Адрианополе (378), а затем и взятием в 410 г. Аларихом Рима. Дальнейшую историю готов (в частности, вестготов в Испании и остготов в Италии) читатель может проследить самостоятельно. – *Ред.*) У них «считалось более благородным сражаться верхом, нежели спешенным», и каждый вождь выступал в сопровождении отряда конников. Вовлеченные против своей воли (именно готы подняли восстание. – *Ред.*) в конфликт с империей, они оказались лицом к лицу с армией, долгое время державшей в страхе окружающий мир. К своему потрясению и, возможно, удивлению, гот обнаружил, что его прочное копьё и добрый конь дают возможность пробиться сквозь сомкнутые ряды легиона. (Это тактика тяжелой конницы иранских народов, в частности парфян и сарматов. Готы ее переняли. Римляне, знакомые с этой тактикой, просто прозевали удар. – *Ред.*) Он стал властителем боя, прямым предшественником рыцарей Средневековья, возвестившим господство тяжелого конника, которому предстояло длиться тысячу лет.

Феодосий, на которого легла задача реорганизации войск Восточной Римской империи, похоже, сполна оценил значение сражения при Адрианополе. Отказываясь от старой римской военной теории, он решил, что в будущем важнейшей составной частью имперской армии должна стать конница. Чтобы обеспечить достаточное количество конных сил, он был вынужден пойти на шаги, прерывающие всякую преемственность между военной организацией IV века и военной организацией V века. В отличие от Константина он не создавал новых родов войск, а стал подряд вербовать германских вождей, которых мог подкупом привлечь к себе на службу. Служившие у своих вождей отряды не входили в государственные войска; они подчинялись только своим непосредственным хозяевам и не были связаны дисциплиной римской армии. Тем не менее им была, в сущности, вверена судьба империи, поскольку они составляли наиболее боеспособную часть имперских сил. Со времен Феодосия привлеченные вожди должны были быть заинтересованы в поддержании порядка в римском мире просто хотя бы в силу лояльности осыпаемых титулами и званиями командиров «федератов».

Всего шесть лет спустя после Адрианополя в армии на Востоке уже служило 40 тысяч готских и других германских (далеко не только германских. – *Ред.*) конников, находившихся под командованием собственных вождей. Коренные войска в глазах римских командующих сразу отошли на второй план, и справедливость их решения была подтверждена несколько лет спустя, когда германские наемники Феодосия принесли ему победу в двух серьезных сражениях, которая сокрушила узурпатора Максима и его сына Виктора. В обоих случаях западная римская пехота, чьи галльские легионы всегда считались лучшими пешими войсками в мире, была в конечном счете растоптана германской кавалерией, выступавшей под штандартами законного императора⁸.

⁸ В еще более жестоком сражении, когда армия узурпатора Евгения чуть не нанесла поражение Феодосию, мы обнаруживаем, что главной силой Западной империи (всего через семь лет после победы над Максимом) была состоявшая из варваров конница Арбогаста, а не коренные пешие легионы.

Картина состояния имперской армии в западных провинциях, написанная именно в этот период, сохранилась для нас в труде Вегеция, автора, чей трактат был бы еще ценнее, воздержись он от искушения отождествлять организационную структуру своих дней с построениями I века, используя одинаковые слова для совершенно различных вещей. Делая заключения из его изложений, следует помнить, что он часто описывает идеальные военные формы, существующие в его воображении, вместо того чтобы описывать реально существовавшие в его время. Например, легион у него состоит из 6100 воинов, тогда как мы знаем, что в конце IV века это соединение обычно не превышало 1500 человек (обычно 3 – 5 тыс. – *Ред.*). Его труд посвящен одному из императоров, носивших имя Валентиниан, вероятно Валентиниану II, поскольку (вопреки доводам Гиббона в пользу Валентиниана III) соотношение родов войск и особенности их построения указывают на время, предшествовавшее началу V века.

У Вегеция есть единственное упоминание о времени, когда, можно сказать, прекратилось непрерывное существование старой римской тяжелой пехоты. Как и можно было ожидать, этот период с точностью совпадает со временем аналогичных изменений на Востоке, последовавших за Адрианопольским сражением. Исследователь тактики пишет:

«С основания Рима и до царствия святого Грациана легионеры носили шлем и латы. Но когда прекратилась практика частых смотров и маневров, такое облачение стало казаться тяжелым, и потому воины редко его надевали. Поэтому они попросили у императора разрешения отказаться сначала от своих лат, а потом даже от шлемов и стали выступать против варваров без защитной амуниции. Несмотря на последовавшие с тех пор катастрофы, пехота больше ими не пользовалась... И как теперь римский воин, идя на врага, может рассчитывать на победу, когда у него нет ни шлема, ни доспехов и даже щита (ибо щитом нельзя пользоваться вместе с луком)?»⁹ (Действительно, тяжелые доспехи были заменены более легкими, но от них никто не отказывался, кроме легкой пехоты. – *Ред.*)

Вегеций – подчас скорее ритор, нежели воин – явно неверно толкует причины изменений в оснащении пехоты. (Вегеций, написавший блестящий научно-практический труд, был одним из тех, кто пытался предотвратить гибель великой державы (и на востоке империи это удалось). А его труд был настольным у военачальников (и не только) на протяжении всех Средних веков. – *Ред.*) В то время, когда конница вооружалась все более основательно, вряд ли пехота отказывалась от защитных средств лишь из-за лени и немощности. Подлинный смысл изменений состоял в том, что, отчаявшись дальше противостоять коннице лишь благодаря плотности рядов тяжелой пехоты, римляне обратились к использованию метательного оружия – методу противостояния коннице более эффективному, чем тот, от которого отказались, как это и было продемонстрировано через тысячу лет при Креси (1346) и Азенкуре (1415). Что Вегеций сильно преувеличивает, видно из его же описания порядка построения легиона в его дни, где первый ряд состоял из воинов, сохранивших щиты, тяжелые копья и латы – их он педантично называет «принципами» («передними»). Второй ряд состоял из лучников, одетых в латы и также вооруженных копьями; только остальная половина легиона совершенно не имела доспехов и другого оружия, кроме луков.

Из труда Вегеция видно, что, хотя значение конницы быстро росло, она еще, как в Восточной Римской империи, полностью не заменяла пехоту. Хотя ни одна армия без конницы не могла рассчитывать на успех, и, хотя она всегда должна была находиться под рукой для защиты флангов, конница, по его мнению, не являлась самой эффективной силой. Склонный к старине, он испытывал привязанность к старым римским формированиям и, безусловно, несколько отставал от военного опыта своего времени. Правда, следует помнить, что франки и алеманы, главные враги, с которыми приходилось иметь дело легионам на Западе, почти все – в отличие от готов – воевали пешими. [Рим не был знаком с готскими конниками до Ала-

⁹ Флавий Вегеций *Ренат*. Военные порядки римлян. Цит. по: Гаррисберг, 1944. С. 24, 38-39, 90.

риха, с которым Константинополь уже познакомился и от которых в данное время ухитрился откупиться. Во времена Гонория (р. в 384, правил в 395 – 423 гг.) готы, как до этого на Балканском полуострове, стали грозой Италии. Их острые копья и боевые кони еще раз утвердили их превосходство: ни искусное руководство Стилихона, ни регулярная пехота старой римской армии, ни отряды коренных римлян и федератов, чьи боевые порядки располагались на флангах легионов, были не в силах остановить удары готов (Стилихон в 402 г. наголову разбил при Полленции вторгшихся в Италию вестготов Алариха I. Однако после казни (в результате интриг выродившейся придворной верхушки) Стилихона в 408 г. готы Алариха снова начали вторгаться в Италию. Автор выдает желаемое за действительное. – *Ред.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.